

Уходя, зажгите свет

Испытания, пройденные в огне, мнились должными, а сетования на государство — капризами ребенка

Антон СЕМЕНОВ

Ему 20 лет, студент IV курса филологического факультета (отделение культурологии) Магнитогорского государственного университета. Ранее в литературные кружки, равно как и в другие геометрические фигуры, не вписывался. Поэтому данное сочинение является первым художественным опытом.

Сегодня старуха встала раньше обычного. Раньше, чем московский поезд разбудил бы ее мерным стук колес, добрав до грязного перрона вокзала. Свою жизнь, которая теперь казалась ей длинным составом из восьмидесяти двух вагонов, она давно привыкла сверять с расписанием поездов. Проснулась вместе с «москвичом», встретила закат с «челябинским». Даже неугомонный дед с его постоянными суждениями не мог внести коррективы в железный график старухи.

Семья вселилась в этот ветхий дом под звуки военного марша. Это сейчас, когда с глаз упала прочная завеса, райские гнезда стали именоваться не иначе как хрущобами, а тогда... Молодого строителя «стального сердца» ласкала мысль получить такой шалаш. Старик тоже был молодым, но знал, что своей кровью заработал большее, знал, что тянуть жили бесполезно, а в коридорах власти слишком много дверей, в которые еще предстояло постучаться. Потому, не выслуживаясь до полковника, подал в отставку. Заботливое государство постаралось обеспечить ему спокойную старость: маленькая площадь, смежные комнаты, низенькие потолки — все для удобства, экономии сил и времени драгоценного человека, сокращения затрат на жилье, а главное, и самого желания в нем существовать.

Дочиста вымытые стекла пропускали первые лучи обманчивого весеннего солнца. Накануне великого праздника старуха с тщательностью младенца, изучающего новую игрушку, протерла все окна, почистила столовый сервиз, подмела полы. Самая маленькая баночка заставляла ее тратить последние искры энергии на показную чистоту. Старик, как подобает, в бабские дела не вмешивался. «Дом всегда должен быть в порядке! Ты просто повторяешь то, что делала твоя суеверная мать...», — говорил он по таким случаям. Однако назвать поведение старухи животным у него никогда бы не повернулся язык. Жестокость окружала их дом, назначала свидание у пенсионной кассы, но доселе не удавалось ей изжить терпение и понимание, разрушить тем самым единственные прочные стены в этой трущобе. С точностью аптекаря старик взвешивал свои слова, ведь любая передозировка грозила ему одиночеством. Тем более он лукавил, выдавая очередной рецепт. Вера в грядущее очищение земного и пре-

ображение духа, заостренное убеждение «правда на нашей стороне — мы должны победить» спасали его в окопах, как спасают сегодня в мирное суровое время многих и многих.

— Скоро, скоро, — раздавалось старческое бормотание среди ночи.

Это было ожидание нового дня, ожидание Пасхи, совпавшей в этом году с Девятым мая, торжества света и мира.

— Опять раньше срока тепло отключили, черт окая... — волоча ноги по холодному полу, стала ругаться старуха, но, опомнившись, прокланала свой язык.

Дабы не быть замеченной в преступлении против совести еще спящим мужем, старуха тихой сапой пробралась на кухню. Здесь многие годы все оставалось по-прежнему. Над газовой плитой висела заковыристая металлическая табличка по ее эксплуатации. Инструкция с уже несуществующими телефонами и службами, в которые необходимо обратиться в случае опасности, резко выделялась на фоне пожелтевших обоев. Старуха не могла обделить вниманием ценную, на ее взгляд, вещь и в канун праздников отскребала жирные пятна. Еще одна реликвия — настенная полка со всевозможными банками — хранила сокровенные для хозяйки воспоминания. Практически все склянки на ней были пустыми, потому бесполезное скопление посуды вызывало у деда душевную изжогу. Особенно не нравилась ему самая маленькая баночка, испещренная точками ржавчины. В нее не поместилась бы и пригоршня риса, но именно ею дорожила старуха. Это был первый подарок мужа — клюквенные леденцы с пробирающим до костей кислым вкусом в сувенирной упаковке.

— Что встала, как перед анастом? — подтрунивал над старухой дед, когда ее взгляд задерживался на полке, а в уголках высохших губ образовывались складки.

— Да еще и морщишься.

На самом деле ста-

руха вспоминала не отвратный вкус конфет, а то забавное малышище выражение лица вояки, с которым он их вручал, и внутри у нее разливалась приятная грусть.

Случайный гость (званых семья давно не принимала), попав сюда, мог удивиться накрытому завтраку. На лакированном столе с покосившимися ножками стояло два блюда: одно с десятком яиц, окрашенных шелухой лука в болезненно-оранжевый цвет, другое — со свежей выпечкой. Все яства закрыты белой тканью.

«Не забыть разбавить», — подумала старуха.

Она достала граненый стакан и пузырек этилового спирта из ящичка аптеки. Дряблые руки дрожали... от холода, а не от отсутствия сноровки, мужу постоянно приходилось делать спиртовые компрессы. Старуха на глаз отмерила четверть стакана, по зрительной отсечке отлила в него из пузырька спирт, а затем взяла чайник и добавила к содержимому столько же кипяченой воды. Для боевых ста граммов старика она отвела специальное место подле блюда.

Ей оставалось последнее приготовление — уложить дымчатые волосы и покрыть их ситцевым платком с багровой каймой, — чтобы невидимая игра по воле некоего провидения началась сегодня спозаранку.

— Христос воскрес! — протянула своим бархатным голосом старуха.

Только вставший с постели и протирающий глаза старик даже несколько отпрянул. Перед ним на вытянутой ладони, более напоминающей вспаханную целину, маячило яйцо. Сознание подсказывало произвести нечто вроде «доброе утро», но откуда-то из глубины вырвалось: «Во истину».

С этими словами старик живо взял приманку и крепко, насколько позволяла скорлупа, сжал яичко в сохранившейся крепости руке. Промедление от старухи не ускользнуло.

Немного сконфуженный, он отвернулся якобы в поисках жизненно-важного.

— Мать, а соль в доме не пере-

лась? — оттягивая время, протрубил старик, иначе он не говорил.

— Так вот она, — с прищуром ответила рачительная хозяйка кухни и сложившегося положения.

Не удалось. Старик все же придал лицу благородную деловитость, поддержал осанку, но чувствовалась противоречивость мыслей и поступков, будто лихой кузнец сковал его из двух половинок.

Нависшая пауза затянулась, и старуха уже открыла рот, чтобы пропеть мужу очередной акафист о сакральном числе девять, об исключительности сегодняшнего дня. Однако первый рыбок сделала не она.

— Иконостас мой готов? — отрезал старик.

— Как же? — запинаясь, но с мужеством отвечала старуха. — Если ж не я, то...

Вчера поздним вечером она по привычке достала военный мундир, висевший на плечике в дальнем углу облезлого деревянного шкафа. Перед старухой стояла простая задача: поправить аксельбанты, почистить орден и медали, стряхнуть накопившуюся пыль и определить форму напротив кровати. Подполковник со смерти сына мундира не надевал, с тех пор и стал величать его иконостасом. В нем он нашел и чины, и немые лики, величественность которых подчас казалась старухе надменностью. Свои поиски старик не прекращал.

— Так почему мундир не на должном месте?

— Ну, чего артачишься? Сейчас достану.

С минимым недовольством старуха покинула кухню. Колючие сравнения ранили ее, слова обижали, словно листья крапивы, — очаг раздражения был далеко, а зудящая боль продолжала надоедать. Но сердце подсказывало: и гадкая крапива имеет целебные свойства. Что остается людям в пору катаклизмов и жизненных бурь, кроме слепой надежды.

— Победокурит немного, — шептала безропотно старуха, — и успокоится.

Тем более все происходило в аккурат по предначертанному плану. Намеренно старуха успеть к обеду (пойти на всенощное бдение было бы авантюрой) ничто не вредило: погода выдалась отменная, дед особого внимания не требовал.

Специальный маршрут она себе не выбирала. Зачем? Ведь истинная дорога всегда прямая. В своих хождениях старуха безоглядно ориентировалась на внутреннее чутье. Где транспортом, где пешим ходом добиралась она до храма, проезжая Советскую, спускаясь по Ленинградской на Карла Маркса, а затем — Ленина. Если бы она обратила внимание на мелькающие названия улиц... Впрочем, только утвердилась бы в мысли, что неисповедимы пути Господни, ибо эти пути вели ее к благодати.

Одно знаковое изменение в городском устройстве старуха все-таки заметила. Вместо перетекающей зелени деревьев в окна трамвая бил монотонно-зеленый неоновый цвет рекламы, зазывающей пожаром красок кинуть взор на свою заморскую вывеску. Старуха, глядя на произошедшую метаморфозу, шурилась то ли от яркости, то ли от снисхождения к владельцам магазинчиков. Её путь не нуждался в указателях, пленяющих слоганах и логотипах. Единственной нитью Ариадны для нее была вера, за эту нить она взялась однажды сама и не отпускала ни на минуту.

— Может, включим телевизор? — не без тайного умысла спросила старуха. — Что скажешь?

Ее глаза нашли в углу комнаты серый ящик, который мог быть по праву причислен к му-

сору, эдакий рудимент цифровой индустрии. Ветхость информационной оболочки была вызвана, в первую очередь, не скудными возможностями семьи. Просто телевизор в доме не возводился в ранг языческого тотема, не требовал обязательных ежевечерних церемоний, амулетов-приставок. Свои помыслы старуха связывала с телевизором, надеясь услышать обращение патриарха к пастве.

— Скажу, что не стоит того, — ответил старик.

Он опасался ворошить прошлое. — Ничего нового там не увидишь, а вот завтра, — на слове «завтра» он сделал ударение, — будет послание к думцам.

— Тебе объявят радостную весть? — осмелевшая старуха выделила первое слово.

— И то верно...

Разговор не клеился, зато старуха ощущала себя победительницей. Приняв кроткий вид, какой умеют делать только бабушки ее возраста, она присела на расшатанный стул. Старик тем временем заматерился: для чего-то стал чистить ботинки, испачкав рубашку черным кремом, бросился застирывать ее хозяйственным мылом. Однако все попытки задуть угнетющую мысль делом оказались тщетными. Как бы смирившись с поражением, он вернулся в постель.

— Да что я сижу! — вроде случайно спохватилась старуха. — Так и опоздать можно!

— Покидаешь меня?! — старик знал о ее желании.

— Нельзя в такой день. Сам пойми.

— Отпускаю, — взмахом руки старик выразил свое одобрение.

Пока дед возился с одеялом, старуха незаметно осенила его крестным знаменем, прошептала: «с Богом». Она зашторила окна и вышла в переднюю собирать заготовки.

Комнату насытил полумрак — эфемерное состояние, в коем давно пребывал старик. Он лежал напротив своего иконостаса, пытаясь отвести взгляд от застилающего глаза блеска медалей.

— Экое людское тщеславие, — думал он.

На лбу выступили капельки пота, дыхание участилось.

Старик вдруг почувствовал незнакомую ему тревогу: единственный дорогой человек, проявивший о нем заботу, вынужденный сносить, помимо тягот судьбы, его пощечины и протянувший милосердную руку, уходит. В его сердце не осталось места для обиды. Испытания, пройденные в огне, сейчас мнились должными, а сетования на государство — капризами ребенка. Он проглядел свою короткую, кажущуюся теперь бесплодной, жизнь, вспомнил, что однажды отпустил близкого человека — родимого сына — и к новой потере был не готов.

Он со всей мочи схватился за мокрую простыню и в рыке оторвал свиновую голову от подушки. По телу пробежала судорога, из носа хлынула кровь, глаза остекленели — апоплексический удар был беспощаден.

Лицо старика страшно изменилось, оно будто полиняло от долгой стирки, а все члены скрутило, как выжималось усердной прачкой белье.

Старуха, стоявшая на пороге входной двери, услышала хриплый голос:

— Свет, свет...

— Что еще? — она отозвалась на имя.

Старик уже ни о чем не мог думать. Отвисшая челюсть и язык рефлекторно издавали те звуки, которые он хотел сказать в прошлой жизни.

— Включи св...

— Ключи? Я взяла их, — пошарив по карману, ответила старуха и переступила порог.

Дверь захлопнулась. Глаза старика потухли окончательно, а над кроватью зажглась лампа.

